

СМЕНА

Миллионам кино- и телезрителей запомнились и полюбились фильмы «Аты-баты шли солдаты», «Камертон», «Двенадцать стульев», «Только в цирке», в которых Елена Шанина сумела создать яркие, неординарные характеры своих героинь: Кимы, Элочки-людоедки, Клавдии Сергеевны, Мари.

— Скажите, Лена, кто первым поверил в ваше призвание: вы или окружающие?

— Наверное, я сама, потому что решение стать актрисой родилось вместе со мной. Мои родители не имели никакого отношения к театру, но профессия они инженеры-экономисты.

Отец закончил Институт водного транспорта, и нам часто приходилось ездить по стране. Когда мы жили в Казани, я попала в детский самодеятельный театр, в котором, несмотря на то, что мы были детьми, с нами довольно серьезно занимались: разбирали роли, объясняли, что такое жизнь в предлагаемых обстоятельствах, учили многим тонкостям актерской профессии. Я чуть ли не поселилась в театре. Забывала о еде, не гуляла, почти не появлялась дома. Тогда и решила окончательно — поступаю в театральный вуз. Но для поступления надо было преодолеть один существенный недостаток — я картавила, причем довольно сильно. И когда осознала, что это может помешать осуществлению моих планов, выяснилось, что я довольно упямый человек: без всякой посторонней помощи выучилась нормально разговаривать. Целыми днями ходила и рычала изо всех сил поговорки, слова, которые помогали исправить недостатки речи. Правда, родители сильно огорчились, когда поняли, что никакие уговоры выбрать более «серьезную», с их точки зрения, профессию

на меня не действуют. Потом они, к счастью, смирились и успокоились. Я уехала в Ленинград к бабушке с полной уверенностью — поступлю во что бы то ни стало! И поступила — в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.

— Играть в театре вы нача-

лих сценических замыслов. Игорь Петрович только исподволь направлял наши поиски: своей душой, умом, дарованием. Мы были свободны беспредельно, фантазировали безгранично. К четвертому курсу у нас было готово шесть спектаклей.

— А как состоялся ваш дебют на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола?

— Неожиданно. В Ленинграде сдавала дипломные экзамены в институте. И вот разда-

ний наплыв молодых. И, надо сказать, почти каждая премьера открывала новое имя и становилась заметным событием в театральной жизни. Но, конечно, все это благодаря нашему художественному руководителю Марку Анатольевичу Захарову. Все-таки это большая смелость — доверять главные роли никому не известным молодым актерам. В этом проявляется одна из граней его творческого метода. К тому же он редко ошибается в выборе главного исполнителя на ту

критиками. Конечно, прекрасно, если актер владеет своим голосом, телом, имеет вокальные данные. Хорошо, если него хватает трудоспособности, развивать эти качества до совершенства. Однако это не главное. Важнее всего, чтобы на сцене была личность. Если этого нет, то актер при всех своих «синтетических» данных — всего лишь марионетка, не более. Я, например, не видела, чтобы у нас в театре как-то особенно двигались и пели Олег Янковский, Александр Збруев или Евгений Леонов. Но спектакли, в которых они играют, и они сами в этих спектаклях очень убедительны.

— А бывает так, что вы что-то не можете сыграть?

— Я никогда не жила в деревне и совершенно не знаю этого уклада жизни, быта. Вот сейчас я снимаюсь на «Ленфильме» в кинокартине «Место действия». Предстоит эпизод, где мне придется растапливать русскую печь, и я думаю об этом с ужасом. Хотя с детства приучена к хозяйству, просто не знаю, как это делается, а играть надо точно и правдиво.

— Какую из своих работ вы считаете наиболее значительной для вас?

— Роль Кончитты в спектакле «Юнона и Авось» А. Вознесенского и А. Рыбникова. Об этом спектакле, который сравнительно недавно поставил Марк Захаров, много говорят и пишут. Для меня «Юнона и Авось» — праздник. Я очень люблю этот яркий, динамичный, музыкальный спектакль, который весь играется на едином дыхании.

Беседу вел
А. КУЧЕРОВ

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

КАЖДАЯ РОЛЬ — ЛИЧНОСТЬ

ли, еще учась в институте?

— Так получилось, что эти годы совпали с творческим расцветом Театра Ленсовета и его главного режиссера И. П. Владимирова, который был художественным руководителем нашего экспериментального курса. Теорию и сценическое движение преподавали в стенах института, а мастерство актера, танца мы проходили непосредственно на сцене Театра Ленсовета. На втором курсе нам уже начали доверять небольшие роли в спектаклях театра. У нас был совершенно одержимый курс. Мы репетировали с девяти утра до часу ночи, пока нас просто не выгоняли из театра. Владимир относился к нам как к профессиональным актерам. Он считал, что мы должны быть самостоятельными буквально во всем: в выборе пьес, этюдов, в выборе средств выражения на-

ется телефонный звонок из Москвы. На противоположном конце провода зав. труппой Театра Ленинского комсомола говорит: «Через четыре дня вы играете Неле в «Тиле» вместо Чуриковой — у нее срочные съемки». Поехала в Москву. За четыре дня прорепетировала роль и сыграла в спектакле. Наверное, с перепугу. Потом было много цветов, и сам Захаров, главный режиссер театра, признал, что это моя удача.

— Кто из представителей актерской молодежи был еще в коллективе Театра имени Ленинского комсомола?

— До меня в труппу пришел Виктор Проскурин, после меня появился Александр Абдулов, а вот дальше начался букваль-

или иную роль.

Не знаю, что бы мы делали без таких наставников, как Татьяна Ивановна Пельтнер, Евгений Павлович Леонов, Елена Алексеевна Фадеева. У них можно неустанно учиться тому серьезному отношению к профессии, которое проявляется на каждой репетиции, в каждом спектакле, где они заняты.

— В большинстве спектаклей вам приходится много двигаться, петь, танцевать, выполнять даже акробатические номера, то есть уметь все, что включает в себя понятие «синтетический актер», которое последнее время часто употребляется в оценках спектаклей вашего театра. Как, по-вашему, имеет ли право актер не быть «синтетическим»?

— Конечно, имеет. Это вообще, на мой взгляд, какое-то очень техническое определение, придуманное театральными